

Негативные аспекты изучаемого явления тесно связаны с нравственным восприятием и эволюцией данного понятия в жизни людей. На рубеже веков ввиду мощного информационного потока сложно было сориентироваться и выбрать позицию, с одной стороны, не противоречащую традициям, с другой — отвечающую современному состоянию общества.

Литература

1. В-ва. Значение реформы женского костюма в общей системе преобразовательных движений // Друг женщин: Журнал. Москва. 1884. №8. С.96-104.
2. Белов С.Л. Проституция в г. Тюмени (XVII в. — 1920-е гг.): постановка проблемы // Тюменская история. Тюмень. 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/2807150/post93861404/#_edn32.
3. Ганье Л. Спутник изящной женщины. Санкт-Петербург. 1896. 270 с.
4. Зарубин В.И. Проституция, венерические болезни и Нижегородская ярмарка. Санкт-Петербург: Губ. тип. 1896. 11 с.
5. Каронин С. Торговля телом и душой (Сибирские нравы) // Ишим и литература. Век XIX-й. Очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты. Ишим: Издательство ишимского государственного института им. П.П. Ершова. 2004. 312 с.
6. Коньков Н.Л. Зимняя Никольская ярмарка // Коркина слобода. № 2. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2000. С. 5-12.
7. Мода и Стиль: современная энциклопедия. Под ред. М. Аксенова. Москва: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 476 с.
8. Мои воспоминания: избр. произведения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.
9. Прево Г. Искусство одеваться. Санкт-Петербург. 1892. 125 с.
10. Савченкова Т.П. Ишим далекий-близкий: Научно-популярные очерки. Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова. 1997. 182 с.
11. Коллекция ТОКМ №2 1917 г.
12. Коллекция ТОКМ №4 апрель 1898 г.
13. Коллекция ТОКМ апрель 1899 г.
14. Коллекция ТОКМ апрель 1905 г.
15. Коллекция ТрМ №2 1905 г.
16. Коллекция ТрМ №5 1912 г.
17. Коллекция ТрМ №6 1912 г.
18. Коллекция ТрНВ б/н.

Н. В. Колмогорова, г. Тюмень

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ ТЮМЕНСКОГО УЕЗДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Начиная с древнейших времен, материальная культура являлась неотъемлемой частью повседневной жизни общества. Она включала в себя самые разнообразные предметы, начиная от одежды и заканчивая различного рода приспособлениями для ведения домашнего хозяйства.

Западная Сибирь всегда отличалась своей уникальностью, так как в ней соединились культура коренного населения и культура переселенцев — выходцев из северных и южных

земель России. Отражение ее можно увидеть в транслитерированных архивных источниках «Документы Тюменского нижнего земского суда» и «Памятники тюменской деловой письменности». В них фиксируется речь жителей бывшего Тюменского уезда второй половины XVIII века, которая отражает как вышедшие из употребления, так и существующие в современных тюменских говорах названия предметов материальной культуры. К ним мы относим созданные руками человека вещи, которые позволили оптимальным способом приспособиться к природным и социальным условиям жизни. Среди них предметы костюма, быта и устройства жилища.

Как можно видеть в наших источниках, одежда жителей Тюменского уезда изготавливалась как из домашней ткани: шерстяной и частично льняной, так и могла быть сшитой из покупных китайских тканей: *грезета* — однотонной материи с мелким тканым узором («шушунь женской *грезевой* зеленой поношенной с подкладкой в рукавах и до поесу холшевой белой»), *гродетур* — плотной шелковой ткани («четыре женские головные повоинника первой *гранитуровой* голубаго цвету»), *тавты* — плотной и жесткой шелковой ткани из туго скрученных нитей («второй *тавтяной* цвету краснаго и белаго волнистой») и *фанзы* — китайской шелковой ткани («третьей *фанзовой* желтой стежной, дорошками»). Стоит заметить, что в одежде сибиряков использовались в большей степени, чем в центральных областях России, меха, шкуры, кожа и замша.

В числе повседневной *одежды* мужчин преобладал *зипун* — верхняя одежда в виде кафтана («одежда жь на реченном незнаемом человеке была толко шуба *зипун* и шапка асечка ветхие»). Женщины поверх сарафана надевали *шушун* — короткую распашную накидку («*шушунь* женской *грезевой* зеленой поношенной с подкладкой в рукавах и до поесу холшевой белой»). Зимней одеждой крестьян была *яга* — шуба из собачьих или козлиных шкур, сшитая мехом наружу («шуба крыта синимъ сукномъ полушубок белой баранеи *яга* поношенная»). Руки были защищены от мороза: под суконные или кожаные рукавицы надевали шерстяные — *исподные* («две пары руковиць и с *ысподнами* адне волчьи а другие коженые»). Под рубашкой непременно была подкладка — *подоплека* («рубаха муская ленная с *подоплекою* обшита красной бумагои»), которую подшивали для продления срока носки изделия.

Женские и мужские *головные уборы* отличались друг от друга. Мужчины носили *асечку* — меховую шапку без ушей, с круглым верхом («незнаемой человекъ лет пожилыхъ в шубе и зипуне ветхих в чарках новых, чулках обшитых холстомъ ветхих и в шапке *асечке* крыта зеленым сукномъ»). А головные уборы женщин, как известно из истории, отражали определенные общественные градации. *Повойник* считался головным убором замужней женщины, в котором она прятала свои волосы, а девушки заплетали волосы в одну косу и выпускали ее из-под головного убора.

В женский костюм Западной Сибири в конце XVIII в. входила преимущественно кожаная, иногда валяная *обувь*. До середины XVIII в. крестьянки носили в основном *коты* — род полусапожек («на переднее крыльцо на босу ногу в *котахъ* выходила»). Во второй половине века женщины начинают использовать *чарки* («укралъ из лавки у вышеписанного мещанина Опрокиднева две пары *чарковъ*»), считавшиеся ранее в основном мужской обувью.

В Сибири выработалось и много своеобразных видов одежды, не известных русским центральных областей (например, шуба-*яга*). Заимствуя многие удобные местные формы одежды, русские, в свою очередь, оказали большое влияние на одежду народов Сибири, содействуя распространению усовершенствованной техники шитья и покроя одежды. Многие из местных народов впервые узнали нательную, а потом и верхнюю одежду из ткани только после освоения Сибири русскими.

При рассмотрении слов, называющих *внутридомные помещения и сельскохозяйственные постройки*, обнаружилось, что только 2 слова — *напогребник* — надстройка над погребом («те воры оставя еіо в ызбе за денгами в *напогребникъ* уходили») и *стряпка* — отдельное

помещение в доме для приготовления пищи, кухня («и в самое же то время вышла я в *стряпку*») — не зафиксированы в современных тюменских говорах. Все остальные сохраняются и бытуют в памяти старожилов. Это такие слова, как: *вышка* — чердак («сынъ Михаило для иску техъ денегъ на *вышку* лазиль»), *горенка* — маленькая комната, спальня («где в *горенке* и родила»), *жило* — жилище, дом («велеть тово дому хозяину оное очисть и свестъ за *жило* в удобное место»), *заплот* — огороженный загон для скота («и протчаго строения згорело у него Бихметева конюшня с семи пряслами *заплоту* сараи где коровы»), *пригон* — холодное крытое помещение для крупного скота, используемое в теплое время года («дву лошадей впустиль в *пригонь* а сам ушел в ызбу»), *куть* — место перед печью, отгороженное или занавешенное («которые у того Афонася Пушкикова были в избе спрятаны одинъ в *куте* за занавеской, а другой сидель в углу — у двери»), *прясло* — изгородь из жердей, укрепленных горизонтально между вбитыми в землю столбами («згорело у него конюшня с семи *пряслами*»).

Большое разнообразие применительно к условиям Западной Сибири проявлялось в характере **кровельного материала**. Так, в таежной и лесной зонах крестьяне, имевшие срубы домов из хвойных пород деревьев, покрывали их тесом или *драницами* — название колотых досок, распространенное на Русском Севере («увидель что на юрте ево крышка горит и онъ Юсупъ вскочилъ на кровлю и начал разбрасывать *драницы*»). Драницы лучше всего получались из сосны и обходились дешевле, так как из каждой половины бревна их получалось несколько штук, а тесница — только одна, поэтому «топорный тес» использовали более зажиточные поселяне.

Основными **средствами передвижения** западносибирских крестьян были лодки — *дощаник* («с нагруженной казенной солью купца Безсонова дощаникъ нечаянно на поднятом парусе изъ за острова к нему Васютину навстречу выплыль») и *набойница* («и все вместе в двух же набойницах лотках поплыли») и сани — *обшевни* («часу въ 5м ночи приехавъ к нему ево — на лошади в обшевнях живущая от них деревни Букиной во одной версте на однодворке») или *пошевни* («запрягъ собственную хозяина ево лошадь^а, в *пошевни*»), которые сохранили в себе севернорусскую традицию их построения.

Традиционным женским предметом была *прялка*, которая сопровождала девушку от рождения до замужества. У восточных славян пуповину новорожденной девочки перерезали на прялке или веретене; через прялку передавали новорожденную крестной матери; клали прялку в колыбель девочки. Личную, подписанную прялку не давали взаймы, иначе, как считалось, будет пожар или погибнут пчелы. На Русском Севере парень, написавший на прялке девушки свое имя, обязан был на ней жениться. Обычно жених дарил девушке новую, сделанную и украшенную своими руками прялку. Прядение продолжалось весь осенне-зимний период, прерываясь лишь на рождественские праздники. Составной частью прялки была *колодка* («и она Орина прошла во дворъ на сараи для взятыя *колодки* вить пряжу»), на которую была насажена щетка. Другим не менее своеобразным занятием было ткачество. Ткали на *кроснах* («а потому она Авдотья изъ за *кросень* вышла на улицу»), так назывался ткацкий станок.

В хозяйственных целях использовались разного рода **предметы для хранения вещей и продуктов питания**. Среди них такие, как *лагушечка* — деревянный бочонок для хранения различных напитков («в пошевнях же положено было три *лагушечки* новые ведерные»); *туесок* — берестяной короб для хранения ягод и грибов («ис погреба ягод брусницы груздеи в *туеске* малом ... унес»); *козица* — мешочек для хранения денег («и нашла в дровах в поленнице техъ покраденных денегъ двенадцеть рублеи двадцеть копеекъ, въ ево коженой *козице*»); *ящик* — сундук для хранения имущества («денги напогребу на творилеве *ящике*, и в коженной *козице*»).

Таким образом, обнаруженные в источниках названия предметов материальной культуры приблизили нас к повседневному быту жителей Тюменского уезда второй половины XVIII в. Многие из них в настоящее время продолжают существовать в речи старожилов юга Тюменской области. Это такие слова, как *заплот*, *зипун*, *кросна*, *куть*, *лагушка*, *литовка*, *набойница*, *подоплека*, *пригон*, *прясло*, *туесок*, *чарки*, *ящик* и некоторые другие.

Литература

1. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782 — 1796): в двух книгах / автор-сост. О.И. Голованова; под общ. ред. О.В. Трофимовой. Кн. первая: тексты. Тюмень, 2008. 352 с.
2. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782 — 1796): в двух книгах / автор-сост. О.И. Голованова; под общ. ред. О.В. Трофимовой. Кн. вторая: указатели. Тюмень, 2008. 204 с.
3. Словарь русских говоров Сибири: в 6 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 1-6.
4. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1991. 179 с.
5. Словарь русского языка XVIII века / под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука, 1984-1991. Вып. 1-6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>.
6. Трофимова О.В. Тюменская деловая письменность. 1762-1796 гг.: Книга II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2002. 828 с.
7. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1992. 252 с.

Л. Э. Комарова, г. Сургут

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В АНТРОПОНИМИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Ментальность в современной лингвистике определяется как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Маслова 2010: 49], как система неосознанных представлений, верований, ценностей, традиций, моделей поведения и деятельности различных этнических и социальных групп, слоев, классов общества [Радбиль 2010:51]. Это понятие включает в себя ценностное содержание (систему норм, идеалов и ценностей), этическое содержание (представления о добре и зле и пр.), эстетическое содержание (представления о прекрасном), прагматическое содержание (систему поведенческих стереотипов и норм поведения) и др.

С ментальностью частично пересекаются такие понятия, как «национальный характер», «национальная культура» и «национальная картина мира». Неотъемлемой частью картины мира является образ человека, предстающий в характеризующих его номинациях. Выделяют несколько моделей, кодов проявления ментальности, это прежде всего символы или знаки (к их числу относятся и антропонимы); герои, обладающие чертами характера, пользующимися уважением; ритуалы, т. е. коллективные действия, имеющие социальную значимость, и жизненные ценности, которые предполагают «чувства, имеющие положительные и отрицательные стороны» [Хофстед 1996: 85].

Определенный материал для суждений об особенностях русской ментальности и духовной культуры сибирских первопоселенцев XVII — н. XVIII в. дает изучение бытовавших у них